

ГРАНИ

GRANI

92-93

1974

Postverlagsort: Frankfurt/Main, April - September

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания **XXIX**

№ 92-93

1974 год

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ** — **Русь. Заклинание Добра и Зла.**
Стихи 3
- Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ** — **Бесы.** Сценический монтаж Влади-
мира Максимова по режиссерскому замыслу
Юрия Любимова 8
- ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА** — **«Август, осени посредник!».** «И да-
ты вспять бежали, как солдаты...». «Как робок
смех, как шепот жарок...». «Ну что ж, берите Бога
ради...». «А кукушка куковала, куковала...». «Мы
смотрим из разных окон...». «Аты-баты, где вы, ла-
ты...». «Хоть наг и бос, не безголос...». «И вдовый
стон, и горький дух гонений...». «Обернется лебедь
— братом...». «Ни обрывистых скал, ни отвесных
дорог...». Стихи 117
- РОМАН РЕДЛИХ** — **Предатель.** Роман 123
- ВИОЛЕТТА ИВЕРНИ** — **«Прекрасны подагрические су-
чья...». Пассажирский «Пермь - Свердловск». Нов-
город.** Стихи 237

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

- ЮРИЙ ИОФЕ** — **Семь раз Казань.** Поэтоочерк № 5 245

ПОРТРЕТЫ

- АРКАДИЙ СТОЛЫПИН — Вячеслав Менжинский — че-
кист СССР № 2 270

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- СВЯТОСЛАВ РУСЛАНОВ — Эпигон Великого Инквизитора
(к портрету Сталина в романе А. И. Солженицына
«В круге первом») 279
- Н. АНТОНОВ — Крест и камень (о романе В. Максимова
«Карантин») 295

ПУБЛИЦИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ

- О русской свободе и русском равенстве. Беседа вторая 311
- ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ — Третий путь. Окончание 327

БИБЛИОГРАФИЯ

- В. Самарин. Образ России. — Николай Арсеньев. О сборнике
стихов «Чаша жизни» Наталии Изюмовой. — Люд-
мила А. Фостер. Американский журнал о культуре
русского зарубежья. 346
- Обращение издательства «Посев» 367

*Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
не обязательно выражают мнение редакции.*

*Не принятые к публикации рукописи
редакцией не возвращаются.*

© 1974 by Possev-Verlag
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main

Издательство «Посев»

Эпигон Великого Инквизитора

*К портрету Сталина в романе А. И. Солженицына
«В круге первом»*

*«Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
. . . . .
В тот день явится мощный человек. . . .»*

М. Лермонтов, «Предсказание», 1830 г.

Чтобы разобраться в сложной системе героев романа, необходимо, прежде всего, уяснить себе ее взаимосвязь с авторским видением сталинской России как земной преисподней. Ироническое острие этого видения нацелено, разумеется, на «обетованный» Марксом и Лениным коммунистический земной рай, и таким образом роман связан с иудейско-христианской культурной традицией. Хотя тема ада вводится в поле зрения читателя самим названием романа и прямыми ссылками на такие шедевры мировой литературы, как «Божественная Комедия» Данте и «Фауст» Гёте, существенные контуры и краски солженицынского видения восходят также к русской традиции изображения демонических и inferнальных мотивов. Эта традиция начинается с Пушкина и Лермонтова, проходит через Гоголя и Достоевского,

---

Статья является авторским переводом из докторской диссертации Polyphony of The First Circle: A Study in Solženicyn's Affinity with Dostoevskij. — Р е д .

Владимира Соловьева и Мережковского и с новой силой возрождается в творчестве советских «адописцев», таких, как Булгаков, Пастернак и Твардовский.

Связь с Достоевским представляется особенно важной ввиду того, что действительность тоталитаризма, изображенная в романе Солженицына, была предсказана и в наиболее существенных чертах предугадана автором «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Как известно, Шигалев, бесноватый идеолог социализма в «Бесах», предлагал,

«в виде конечного разрешения (социального. — В. Г. К.) вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться в роде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, в роде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать»¹.

Другой литературный глашатай тоталитаризма — на этот раз не социалист, а католический кардинал и по совместительству Великий Инквизитор — предвкушал, как «сто тысяч страдальцев» добровольно возьмут на себя проклятие познания Добра и Зла, а заодно и бремя власти над «тысячами... миллионов младенцев»².

Ясновидение Достоевского проистекало из близкого личного знакомства с идеями революционно настроенных социалистов того времени. Однако при жизни писателя эти идеи представляли собой не более чем призрак. Бродивший довольно привольно по Западной Европе, этот призрак лишь изредка, да и то опасно и неохот-

---

¹Ф. М. Достоевский. Бесы. Т. I. YMCA-PRESS, Париж, стр. 428.

²Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Т. I. YMCA-PRESS, стр. 338-339. Дальнейшие ссылки на эти произведения взяты из того же издания.

но, захаживал на русские просторы. Тем не менее писатель признал в нем грядущего супостата и в «Бесах» показал, что даже ничтожная шайка «благодетельных» смутьянов и головорезов может преуспеть и хоть на время да устроить свой шабаш на русской земле.

История доказала его правоту: спустя каких-нибудь полвека духовные, или лучше сказать идейные отпрыски «бесов» установили полную диктатуру надо всей страной. Лозунги большевистской революции, обещавшие всеобщий мир и хлебы земные мировой коммуне человечества, были как списаны с учений Шигалева и Великого Инквизитора. И средства для создания «земного рая» были те же: ни к селу ни к городу не подходившее марксистское понятие «диктатура пролетариата» заведомо не могло в аграрной России означать диктатуру большинства над меньшинством. В лучшем случае это понятие могло привести к господству десятой части над девятью десятymi, но ленинская «поправка» к марксизму (именно большевизм) фактически передала всю власть не в руки рабочего класса, а в руки партийных конспираторов, которых было никак не больше чем «сто тысяч», затребованных Великим Инквизитором.

Из ленинских цветочков выросли сталинские ягоды. Сталинская «поправка» к марксизму-ленинизму обеспечила мечтам «провидцев» Достоевского наихжеланный плод: абсолютная и безграничная власть единственного и непогрешимого Вождя Всего Прогрессивного Человечества (читай: власть Беса и Человекобога) стала повседневной, повсеместной и больно, мучительно больно осязаемой действительностью. Очевидно, стесненные в своих фантазиях модными либеральными фразами своего времени, и Шигалев и Великий Инквизитор соизволили даровать, или только наобещали, личную свободу «десятой доле» и «сотне тысяч». Сталину же не было нужды стесняться, и он довел идею тоталитарного правления до предельной точки: ни пролетарское происхождение, ни партийный билет не давали охранной грамоты

от его произвола. Но и перешеголяв Шигалева на деле, Сталин все-таки остался у того в идейном плену, ибо тот уже давно заявил: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»³.

В романе А. Солженицына «В круге первом» Сталин изображен в апогее своего владычества, в декабре 1949 года, только что отпраздновавшим семидесятилетний юбилей. В фокус романа он попадает в ночной час, когда он обзревает свое прошлое, чтобы лучше запланировать будущее. Как бы говоря устами диктатора, писатель замечает: «Как сказочный богатырь, Сталин всю жизнь рубил вырастающие и вырастающие головы гидры»⁴. Свою привычку рабствовать по ночам диктатор объясняет так: «Беззаботная страна может спать, но Отец ее спать не может!» (т. 3, стр. 132). Такая готовность к самопожертвованию может показаться особенно великодушной ввиду того, что Отец-то стране в деды годится: лишь три дня назад «всё прогрессивное человечество» отпраздновало его «славную годовщину». Но старец отнюдь не тешит себя мыслью о выходе на пенсию или надеждой на личное вознаграждение за бескорыстную службу на пользу человечества.

«Положив себе дожить до девяноста лет, Сталин с тоскою думал, что лично ему эти годы не принесут радости, что он просто должен домучиться еще двадцать лет ради человечества» (т. 1, стр. 124).

Создавая в своем мозгу «богатырский», «сказочный» образ самого себя, диктатор едва ли отдает себе отчет в том, что образ этот близок другому «легендарному» ге-

---

³ Бесы. Т. I, стр. 427.

⁴ Александр Солженицын. Собрание сочинений в шести томах. В круге первом. Т. 3. Изд-во Посев, Франкфурт-на-Майне. 1970, стр. 130. Последующие ссылки относятся к этому же изданию, и будут указываться в тексте статьи в скобках — том и страница.

рою, другому ветхому «страдальцу на благо человечества», именно девяностолетнему Великому Инквизитору. Правда, нашему герою стукнуло всего лишь семьдесят, но — случайно ли? — ему почему-то хочется пожить как раз еще двадцать, да и не просто пожить, а «домучиться еще двадцать лет ради человечества».

Помимо «страдания на благо человечества», некоторые другие черты так же присущи Сталину, как и Великому Инквизитору. Последний сочетал в себе, например, недоверие к «слабому, вечно порочному и вечно неблагодарному людскому племени»⁵ с желанием облагодетельствовать это самое племя. Коммунистический Вождь тоже был убежден, что:

«Целые народы — подобно королеве Анне, вдове из шекспировского «Ричарда III» — их гнев недолговечен, воля не стойка, память слаба — и они всегда будут рады отдаться победителю» (т. 3, стр. 159). Презирая людей, он не доверял им до такой степени, что «недоверие к людям было его мировоззрением» (т. 3, стр. 148).

И тем не менее он считал себя благодетелем, призванным «одному ему известным путем привести человечество к счастью и ткнуть его мордой в счастье, как слепого щенка в молоко — на! пей!» (т. 3, стр. 159).

Великий «благодетель» у Достоевского тоже обещал «привести человечество к счастью» и, презирая людей, был уверен, что они с радостью променяют свою свободу на «хлебы земные». Хотя Солженицын не упоминает ни Инквизитора, ни «хлебов земных», в сталинской подачке в виде «молока» не трудно усмотреть первое искушение Христа в пустыне «страшным и умным духом». Если у Достоевского сатана говорил устами Великого Инквизитора, то у Солженицына он говорит устами Сталина.

⁵ Братья Карамазовы. Т. I, стр. 330.

У Достоевского, как известно, католический кардинал в конце концов признается своему узнику, что он только лжет во имя Христово, но на самом деле «мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!»⁶. Ассоциация «Властителя полумира» в романе Солженицына с сатанинскими силами возникает сама собой. У читателя создается впечатление, что Сам-то Хозяин и является сатаной. В числе его сатанинских черт бросаются в глаза его ночные бдения. Раз за разом писатель напоминает читателю, что «самым плодотворным временем Сталина были ночи» и что «все лучшие мысли его родились от полуночи до четырех часов ночи...» (т. 3, стр. 133). «Лучшие», разумеется, с сатанинской точки зрения. Как Алеша постиг за «возвышенным идеалом» Инквизитора и иже с ним «самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем, что они станут помещиками»⁷, так среди «лучших» решений коммунистического диктатора и «указ о каторге и виселице», и «как закрепить рабочих и служащих на их местах навечно» (там же) — [выделено мной. — С. Р.]. И уж, конечно, ночью крутится скорее всего аппарат красных чиновников Москвы, приспешествующих сатане:

«Одному-единственному человеку за дюжиной крепостных стен не спится по ночам — и он приучил всю чиновную Москву бодрствовать с ним до трех и до четырех часов ночи. Зная ночные повадки владыки, все шесть десятков министров, как школьники, бдят в ожидании вызова. Чтобы не клонило в сон, они вызывают заместителей, заместители дергают столоначальников, справкодатели на лесенках облазывают картотеки, делопроизводители мчатся по коридорам, стенографистки ломают карандаши» (т. 3, стр. 5-6).

⁶ Братья Карамазовы. Т. I, стр. 336.

⁷ Братья Карамазовы. Т. I, стр. 340.

И если уж Владетель Полумира собрал в своем ночном логове книги уничтоженных им соперников, то лишь для того, «чтобы злей быть по ночам, когда принимает решения» (т. 3, стр. 163).

Даже и о внешнем виде диктатора писатель пишет как бы по поговорке «Бог шельму метит». То здесь, то там он сравнивается с хищным филином, со свирепым тигром, со зловещим вороном. Так как собаки по традиции порой ассоциируются с сатанинскими силами, то и диктатор и его приспешники смыкаются в романе с породой псовых. Абакумова, например, Сталин сам обзывает «собакой» (т. 3, стр. 164), а когда раздастся «легкий четырехкратный стук в дверь — не стук даже, а четыре мягких поглаживания по ней, как будто о дверь терлась собака» (т. 3, стр. 128), то Хозяин знает, что это его личный секретарь Поскребышев пришел прислуживать в ночных бдениях. Даже о самом себе Сталин не может думать, не прибегая к «собачьим» образам: «Это была собачья старость... Старость без друзей. Старость без любви. Старость без веры. Старость без желаний» (т. 3, стр. 64).

Достопримечательны и заключительные строки солженицынского портрета Владетеля Полумира, боящегося и нос высунуть за пределы «ночного кабинета»:

«Это ощущение погасающей памяти, меркнувшего разума — одиночества, надвигающегося, как паралич, заполняло его беспомощным ужасом.

Смерть уже свила в нем свое гнездо — а он не хотел этому верить!» (там же).

Такой заключительный штрих одновременно и предвещает реалистически действительную смерть Сталина, которая была на самом деле мучительной, судя по свидетельству его дочери; и наталкивает на мысль об узурпаторе, которому тяжела «шапка Мономаха»; и предваряет сумерки коммунистических кумиров, начавшиеся с падения его собственного «культа лично-

сти»; и символически довершает портрет современного собрата «духу смерти и разрушения», вещающего у Достоевского устами Великого Инквизитора.

Еще одна черта связывает Сталина с обликом его литературного предтечи — богоотступничество. Как известно, Иван не преминул напомнить Алеше, что его герой сызмала «готовился стать в число избранных» Христовых. И Вождь безбожников у Солженицына вспоминает из своего детства именно свою былую набожность и смирение:

«Ведь до девятнадцати лет он рос на Ветхом и Новом заветах, на житиях святых и церковной истории. Он прислуживал на литургиях, был певчим на клиросе — и как любил петь «Ныне отпускаеши» Строкина! Он и сейчас споет — не соврет. И сколько раз за одиннадцать лет училища и семинарии он прикладывался к иконам и всматривался в загадочные их глаза» (т. 3, стр. 160—161).

Фотография выпускника духовного училища Джугашвили врезывается в память и диктатора, и читателя — да кто ее в СССР не видел! —

«матовый, как бы изнуренный молениями, отроческий овал лица; длинные волосы, подготавливаемые к священнослужению, строго пробраны, со смирением намазаны лампадным маслом и напущены по самые уши; и только глаза и напряженные брови выдают, что этот послушник, пожалуй, пойдет до митрополита» (т. 3, стр. 161).

Как Ракитин, «семинарист-карьерист» у Достоевского, солженицынский «смиранный» и «изнуренный молениями» послушник оказался на деле незаурядным оппортунистом, предпочевшим «карьере» духовного служения карьеру революции и атеизма. Ведь первая обещала ему не больше, чем жезл одного из нескольких митрополитов. Вторая же, хоть и не без риска, могла привести и привела к скипетру и державе. Вождя мирового коммунизма. Но и сейчас, в возрасте семиде-

сяти лет, честолюбивый старик еще не вполне удовлетворен, и на следующую двадцатилетку планирует, между прочим, «провести и выиграть» третью мировую войну и потом, как бы переплюнув Наполеона, объявить себя Императором Планеты. Ведь по его мнению, «это ничуть не противоречит мировому коммунизму» (т. 3, стр. 160). И уж во всяком случае это ничуть не противоречит ни третьему «искушению», которым сатана пытал Христа в пустыне, ни «кесарским» вождениям Великого Инквизитора, мечтавшего о соединении всего человечества в «беспорный общий и согласный муравейник»⁸.

Но и кесарева нашему «кесарю» кажется мало — захотелось ему Божьего отведавать. Двадцать лет он еще как-нибудь помучается ради человечества, «а там, может быть, найдут средство такое, лекарство, чтобы сделать хоть его одного бессмертным?...» (там же). Не доверяя, однако, докторам и будучи хорошо знаком с очковтирательной сущностью социалистических «успехов», он реалистически заключает: «Нет, не успеют» (там же). Но и примирившись как будто бы с тем, что и ему придется умереть, он все-таки исполнен решимости загодя «понастроить себе памятников» на Казбеке и на Эльбрусе,

«и чтобы голова была всегда выше облаков. И тогда, ладно, можно умереть — Величайшим из всех Великих, нет ему равных в истории Земли.

И вдруг он остановился.

Ну, а... — выше? Равных ему, конечно, нет, ну, а если там, над облаками, выше глаза поднимешь — а там?..

(Он опять пошел, но медленнее.)

Вот этот один неясный вопрос иногда закрадывался к Сталину» (там же).

⁸ Братья Карамазовы. Т. I, стр. 336.

«Неясный вопрос» касался, между прочим, существования Христа. Несмотря на попытки «Корифея» безбожников убедить самого себя, что «доказано было, что нельзя доказать, что Христос был», вопрос остается для него «неясным», потому что «ткань нашей души, то, что любим мы и к чему привыкли, создается в нашей юности — и никогда после» (там же), а в юности то он как раз и «рос на Ветхом и Новом заветах, на житиях святых и церковной истории» (там же). Очевидно, «неясный вопрос» не дает покоя семидесятилетнему старику потому, что и сейчас, как в юности, где-то в закоулках своей души он чувствует, что Христос являлся миру, но боится признаться себе, ибо такое признание изблещило бы его как павшего ангела и антихриста.

Так, наделив безбожника чертами «человекобога», посягающего на «божественное право» бессмертия, писатель раскрыл духовную биографию Иосифа Джугашвили в плане богоборчества, соперничества с Богочеловеком, как борьбу против Христа.

Можно предвидеть возражение, что по чисто «историческому» смыслу «Легенды» Сталин должен быть отождествлен не как прямой наследник католического сановника, а как один из строителей новой, атеистической и социалистической, Вавилонской башни. Это о них Великий Инквизитор предрекал своему узнику, поначалу как бы отгораживаясь от них:

«Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится Твой храм. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня...»⁹

---

⁹ Братья Карамазовы. Т. I, стр. 330.

Большевицкая революция на самом деле произошла под знаменами земных хлебов, на самом деле разрушила «храм» православного христианства в России, и Сталин на самом деле титуловался Великим Зодчим «светлого здания социализма». Символическим актом победы атеизма в России было разрушение, по приказу Сталина, Храма Христа Спасителя в Москве. Этим разрушением символика, однако, не кончилась. Вместо взорванного храма предполагалось воздвигнуть, в пущее досаждение Христу, атеистический Дворец Советов, но возникли какие-то непредвиденные трудности, и в конце концов, уже после смерти Сталина, котлован был использован для строительства плавательного бассейна. Любопытно, что в романе Сталин хочет «домучиться» до девяноста лет между прочим и потому, что «не достроено здание» (т. 3, стр. 159). Из контекста ясно, что если речь и не идет о Дворце Советов как таковом, то все-таки это намек на «светлое здание социализма». И беспокоится Сталин не зря. Ведь согласно предречениям Великого Инквизитора, здание-то никогда и не будет достроено, во всяком случае не первоначальными зодчими. Только лишь после того, как станет ясно, что они не в состоянии обеспечить народ обещанными «хлебами» (и это подтверждается историей год за годом), голодные «отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы)», предрекал Великий Инквизитор от лица «христиан» своего толка. «И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое»¹⁰. Итак, несмотря на то, что сталинская «инквизиция», террор и чистки с чисто исторической точки зрения кажутся несовместимыми с инквизицией «католического кардинала» и Великий Инквизитор как бы даже осуждает «бесчинства свобод-

---

¹⁰ Братья Карамазовы. Т. I, стр. 330.

ного ума», «науки» и «антропофагию» атеистов, их цели и метафизическая сущность одни и те же. Открыв духовное родство между такими клерикальными пастырями как Великий Инквизитор, с его «христианством» без Христа, и такими социалистами-атеистами, как Шигалев, с его «земным раем» без Бога, Достоевский предвидел возможность слияния этих казалось бы разнородных сил. В романе Солженицына на этот раз атеист как бы делает шаг навстречу кардиналу из «Легенды». Отступившись, как и кардинал, от Христа на деле, он правда пока еще лжет не во имя Христа, а во имя Ленина и Маркса, но уже заигрывает с Московским патриархом, провозгласившим его «Богоизбранным Вождем».

Кстати, можно добавить, что хотя по размаху замысла солженицынский Сталин представляется прежде всего эпигоном и духовным отпрыском Великого Инквизитора, нетрудно обнаружить в нем и черты «прямых» социалистических «бесов» и безбожных «человекобогов» Достоевского. С Шигалевым, например, он разделяет, помимо неприятного физического облика, апломб великого философа и страсть к наукообразному догматизму. Как Шигалев признавался: «Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу», и тем не менее имел наглость заявить, что «кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого»¹¹, так и Сталин упрямо пытается заложить марксистские основы языкознания, хотя у него язык заплетается и он сам признается: «Чёрт его знает, тупик какой-то» (т. 3, стр. 137). С Петром Верховенским его роднят такие черты, как банальность, посредственность, жестокость, подозрительность, любовь к заговорам и коварство. Любопытно, что как фамилия у Петра намекает на его желание «верховенствовать», а также и на поверхностность его ума, так и Вождь эгалитарно-

---

¹¹ Бесы. Т. I, стр. 427.

го движения из всех дореволюционных слов больше всего умиляется словом «верховный». К тому же его преданность идее так же сомнительна, как у Петра. Что касается бонапартистских планов Сталина, то, помимо их сходства с «кесарскими» устремлениями Великого Инквизитора, напоминают они и мечты Раскольникова. Наконец, как уже было упомянуто, Сталин показан таким же оппортунистом, как «семинарист-карьерист» Ракидин. Подводя итог, можно сказать, что Сталин у Солженицына являет собой не только духовного отпрыска и эпигона Великого Инквизитора, но и исторический гибрид целого ряда «бесов» и «человекобогов» Достоевского.

Указанные выше сходства и совпадения в характеристике Сталина у Солженицына с определенными чертами героев Достоевского восходят, в конечном счете, к существенному сходству тех идей, которые они воплощают. Эти идеи сводятся к тому, что коль скоро человеческое счастье «раз и навсегда» и для всех определяется как счастье набитого брюха и затем провозглашается самозванными «благодетелями» наивысшей целью истории, все средства хороши для достижения этой цели. Выражаясь языком метафизики Достоевского, эти идеи, независимо от того, обряжались ли они в кардинальскую сутану или в гуманитарное красноречие социалистов, были отмечены знаком сатаны и антихриста. В нашем же веке они получили название тоталитаризма, независимо от того, продавались ли они под вывеской Третьего Интернационала в Москве или под маркой Третьего Рейха в Берлине. Изобразив Сталина в романе «В круге первом», Солженицын как бы продолжил — для нашего века — работу Достоевского по сдиранию с волка овечьей шкуры. Не его вина, что «шкура» эта оказалась неразличимой от красного знамени. Установив существенное сходство между сталинизмом и сатанизмом, писатель земли СССР бросил вызов не только наследникам Сталина в Кремле, но и коммунистам все-

го мира, вызов, который они не осмеливаются ни открыто принять, ни отвергнуть.

Хотя вопрос остается открытым, стремился ли Солженицын сознательно придать Сталину определенные «бесовские» черты и тем самым сблизить его с пророческой фантазией Достоевского или диктатор на самом деле унаследовал их от литературных и внелитературных «бесов» вместе с генами их идей, сходство это едва ли можно отрицать. Кроме того, сатанинские контуры и краски этого портрета как нельзя лучше подходят к inferнальной атмосфере Первого Круга. Они как бы восполняют новым смыслом и прямые ссылки писателя на дантовский «Ад» и на гётевский «Фауст». Описание ночного кабинета диктатора, например, несмотря на обилие реалистических деталей, напоминает читателю о дантовской Джудекке, откуда Люцифер в муках правит Адам. Правда, если дантовский сатана наказан Богом и обречен вечно сидеть в замерзшем озере Коцитте, то Сталин сам себя заковал на «собачью старость» и «беспомощный ужас» в беспространственном кабинете:

«Пространство им самим было названо коренным условием существования материи. Но овладев его сухой шестой частью, он стал бояться его. Тем и хорош был его ночной кабинет, что здесь не было ПРОСТРАНСТВА» (т. 3, стр. 139).

Более того, создается впечатление, что Сталин создал преисподнюю именно там, где он помышлял построить «земной рай», то есть в «свободном» обществе. Там же, где он замышлял создать ад для инакомыслящих, то есть в девяти кругах шарашек и лагерей, существует большая свобода, и он не властен над совестью своих узников. Как гётевский Мефистофель «часть силы той, что без конца творит Добро, всему желая Зла», так в романе Солженицына «злые» замыслы Сталина насчёт шарашек приносят, ему вопреки, один «добрый» результат: шарашки были единственными в стране островками, где цвет русской интеллигенции был собран вместе,

мог кое-как общаться и смел порой свое суждение иметь и отвечать на сталинский идеологический монолог, заглушивший голоса всех «свободных» граждан. И автор романа делает все, чтобы донести до читателя «многоголосие», или полифоничность, ответов из шарашки. Именно с «того света» доносятся до читателя голоса и коммуниста Рубина, и «мракобеса» Сологдина, и «идеалиста» Нержина. В многообразии и независимости их идеологических голосов состоит полифонический замысел романа, о котором автор говорил в своем интервью словацкому журналисту Павелу Личко¹².

Что касается солженицынского портрета Сталина, то сам по себе он едва ли может считаться главным мериллом успеха полифонического замысла романа, каким является Великий Инквизитор для «Братьев Карамазовых». Нетрудно было бы указать, например, что для портрета Сталина не характерна та двусмысленность, которая позволила критикам приписывать Достоевскому взгляды его литературного героя. Кроме того, острая ирония и сарказм Солженицына по отношению к своему герою кажутся несовместимыми с той «объективностью», которая отличает подход Достоевского к его «героям идеи». Нужно помнить, однако, и то, что и у Достоевского не все герои настоящие «герои идеи». И Солженицын отнюдь не ставил себе задачи изобразить Сталина героем коммунистической идеи. Снова и снова писатель напоминает, что Корифей марксизма-ленинизма серьезно отклоняется от всех основоположников этой идеологии. Писатель особенно подчеркивает расхождение Сталина с Лениным, чьим «верным учеником и продолжателем» диктатор был официально провозглашен. Весьма знаменательно, что как Великий Инквизитор хотел «исправить» Христа, так и Сталин умиляется мыслью о том, «как часто он серьезно предупреждал и

---

¹² Один день у Александра Исаевича Солженицына, «Посев», № 25/1967.

п о п р а в л я л (выделено мной. — С. Р.) слишком доверчивого, опрометчивого Ленина» (т. 3, стр. 125). Одно из этих расхождений раскрывает именно оппортунизм «верного ученика»:

«Если вспоминался семнадцатый год, то — как приехал Ленин и своими самоуверенными тезисами перевернул, что было до него, и как смеялись над Сталиным, что он предлагал растить легальную партию и жить с Временным правительством тихо-мирно» (т. 3, стр. 128).

Ленинскому лозунгу «Каждая кухарка должна управлять государством» Сталин противопоставляет свою «сотню тысяч» кадровиков «в привычных руках Вождя», и затем уверяет, что «тут Ленин напутал, только рано это говорить» (т. 3, стр. 134). Не умри Сталин три года спустя, не исключено, что и Ленин мог бы посмертно попасть в какую-нибудь антипартийную группу. Таким образом, Солженицын замыслил и нарисовал Сталина не героем идеи, а лжегероем лжеидеи, то есть мошенником, подхватившим идею, которая развязывала руки именно мошенникам. Если о Рубине можно сказать, что он на самом деле одержим идеей коммунизма, как одержим своими идеями Иван Карамазов или Кириллов, то Сталин, наоборот, единолично насилует эту идею, пользуется ею для утоления своего властолюбия. То, что Достоевский устами Алёши сказал о «тайне» Великого Инквизитора — «Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения...» — вполне применимо и к его историческому эпигону.